

Андрей Рунта

ДНЕВНИК УЗКОКОЛЕЙКИ

Андрей Рапуто
ДНЕВНИК УЗКОКОЛЕЙКИ.
Фантастическая повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55849877
ISBN 9785449898760

Аннотация

Философско-фантастическая повесть, в которой главный герой Мерло-Понти в силу своей работы путешествует по виртуальным мирам и настолько в них погружается, что ему становится ненужной его реальная жизнь. Так кажется на первый взгляд. На самом деле с помощью инструментов, присущих жанру фантастика, автор показывает свое отношение к действительности.

Содержание

ДНЕВНИК УЗКОКОЛЕЙКИ	5
Часть 1. Погружение	6
Оливковоглазый и дневник узкоколейки	10
Романтика странствий	13
Современность	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

ДНЕВНИК УЗКОКОЛЕЙКИ

Фантастическая повесть

Андрей Рапуто

© Андрей Рапуто, 2020

ISBN 978-5-4498-9876-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДНЕВНИК УЗКОКОЛЕЙКИ

У этой повести нет выраженного сюжета, она нужна лишь для того, чтобы дать точки опоры вашей фантазии. Я писал ее в надежде продолжить заложенные в ней несовместимые начала.

Часть 1. Погружение

Наслаждение. Дверь в душную темную комнату с трудом отворилась, пропуская его вперед. Нащупав висящую на шнуре рядом с дверью лампочку, он повернул ее. Вспыхнул тусклый свет. Что-то зашуршало, торопливо убегая от света и звука его шагов. Наконец-то дом, его дом. Мерло-Понти почувствовал, что успокаивается. Неотступная судорога, так долго стискивавшая его мозг, постепенно ослабла. Углубляясь в старое мягкое кресло с продранной обивкой, он осмотрелся. Спокойствие незаметно входило в него вместе с теплой волной поднимающейся по рукам тишины.

«Скоро» – подумал он – «очень скоро, вот сейчас». Он потянулся к Генератору Возможностей искалеченной правой рукой. Нежно коснулся выпуклых овалов сенсоров. Его снова охватила привычная, смешанная с ожиданием тревога. На экране беззвучно проплывали символы. Они струились, наполняя собой отведенные для них русла. Они множились, возникая ниоткуда и исчезали, превращаясь в пустоту. Как бесчисленные тени цикад, роящихся над тихой заводью, как мириады звезд в толще времени, как символы бесчисленных событий.

Он встал, разделся догола и вошел в Камеру Генератора. Камера медленно наполнилась жидкостью, окутавшей его те-

ло ласковыми и нежными прикосновениями. Теперь он сможет парить легко, как птица, и сенсоры будут отслеживать движение каждого миллиметра его тела. «Невозможно отказать» – подумал он. «Сладострастие – *La Volupte* – белая голубка, закатившиеся в истоме глаза, розовые кончики пальцев, розовые щеки и розовый кончик носа, *La Volupte*» – почему-то вспомнил он эту картину Буше.

Только сейчас, теперь, сию минуту, в это мгновение, в тончайшем промежутке между прошлым и будущим и заключено спокойствие. Исчезающе-тонкий слой настоящего включает все прошлое и все будущее. Впереди его ждет множественная реализация. Как непрерывно ветвящаяся кристаллизация узоров на морозном стекле, как прорастающие, жаждущие влаги корни волшебных деревьев, как бесконечно мутирующие вирусы, как дорожки в будущее с бесчисленным числом перепутий – таково киберпространство множественной реализации. Бесконечно разветвляясь, тропинки открывают варианты будущего. Здесь все далеко и все рядом. Все времена сжаты в одно мгновенье. Шесть измерений Вселенной – три известных пространственных и три временных – длина времени (длительность существования предмета), ширина времени (количество вариантов реализации) и высота времени (скорость времени, различная для каждой из реализаций) легко моделировались на квантовых аппаратных платформах с бесконечной памятью. То, что невозможно было осуществить физически, наконец-то оказалось

возможным в виртуальном киберпространстве. Физическая для кибердайвера шестимерная Вселенная легко поддавалась воссозданию саморазвивающимися алгоритмами и позволяла каждому воспроизводить себя в виртуальном пространстве в любом жизненном варианте. Бесперывно ветвящийся процесс реализации событий оказался возможным и наблюдаемым. Нужно только одно – уметь выбирать подходящие для тебя жизненные варианты, предлагаемые Генератором Возможностей, и плыть, плыть навстречу новым событиям.

(Из памятки кибердайверу:

«Погружение в виртуальную реальность приводит порой к непредсказуемому результату – смотри выписку в конце книги из «Руководства по использованию виртуальной реальности».)

Кораблик из сосновой коры с парусами из клочков бумаги неуклюже прыгал в искрящемся на солнце весеннем ручье. Кораблик часто попадал под оледенелые закраины ручья и приходилось выталкивать его оттуда палкой. «Ну, давай же, давай дружок, плыви» – умолял Мерло-Понти, проваливаясь при этом по щиколотки в воду, прячущуюся под предательским серым от воды весенним снегом. Чей кораблик быстрее? Жизнь кораблика быстро заканчивалась под нависшей над стилой водой в непроходимом месте льдиной,

из под которой его нельзя было уже вытащить. Запах сырой сосновой древесины, мягкой коричневой коры, обструганной заветным, подаренным ко дню рождения перочинным ножиком с перламутровой ручкой, запах нагревающихся под апрельским солнцем красных кирпичей стены котельной, рядом с которой они стоят вместе с Вергилием. Нагретая стена источает едва заметный пар, который сразу исчезает уже в полуметре от станы. Мерло-Понти зажмурил глаза, поставил лицо солнцу и, ни о чем не думая, нажал встроенную в ладонь кнопку ментального рекордера.

Оливковоглазый и дневник узкоколейки

Убегая в волшебный мир своей фантазии, пожалуйста, не забудьте оставить вешки на пути своего следования, чтобы найти дорогу обратно.

//Дневник узкоколейки / Глава 37, стр. 758

Не ведая сомнений, они спустились вниз, на берег и швырнули в море свою удачу. «Море, море, зачем же ты так одиноко» – словно шепот в вечернем воздухе – «в одиночестве твоём нет покоя». И нет им теперь прощенья. И нет им места под этим чужим небом, у этого сиреневого моря. О, Вергилий, верный Вергилий! Как часто сопровождал он Мерло-Понти в его странствиях. Как часто защищал его от верной гибели, от подступающего безумия, от полного растворения в лабиринтах сумеречного подсознания, от исчезновения в катакомбах множественных реализаций. Как часто спасал от преследования серых ищеек – номов, уберегал от их мертвящих объятий. Какое чудо, что ты существуешь, что выбор дружбы пал именно на тебя, и этот выбор сделал именно он – Мерло-Понти, оливковоглазый, с неправдоподобно-длинными ресницами и красивыми руками. И – о,

безумные! – Взявшись с Вергилием за руки, они храбро шагнули в пустоту.

Несколько месяцев назад, на пределе досягаемости в киберпространстве они наткнулись на книгу – полуистлевший древний носитель знаний с ничего не говорящим названием «Дневник узкоколейки», печальную и непостижимую книгу, книгу без начала и конца, любая страница которой всегда нова и неповторима, сколько бы раз ее не открывали. Книгу, странным образом перекликающуюся с их жизнью, в которой стираются грани между живым и неживым, между жизнью и вымыслом, явью и сном. Книга наполнена призрачной действительностью существования в виртуальном мире, где стоит лишь захотеть, как угодливые виртуальные инженеры осуществят любое ваше драгоценное желание. Станные советы поднимаются от ломких пожелтевших страниц древней книги. Первое, что они прочли в книге, было предупреждение:

Внимание! Чем большая ширина времени будет отделять вас от действительности, то есть чем дальше будет отстоять от центра реальности параллельная реализация, тем чудовищней и опасней окажется мир, который вы там встретите.

//Дневник узкоколейки / глава 453, стр. 164***

«Вот дверь, в которую не войти» – подумал Мерло-Понти.

Ему страшно сделать первый шаг. Все чудится, что он вновь стоит перед выкрашенной темно-коричневой краской старой дверью в свою квартиру. В руке у него ключ, который вечно заедает в замке, и он догадывается, что когда-нибудь наступит момент – и ключ не повернется больше, и дверь не откроется. И он будет бессилён что-либо исправить. А там, за дверью, живет привычной жизнью весь его уютный мир, и ему бесконечно одиноко стоять перед дверью на грязной лестничной площадке.

Из-за двери доносятся знакомые голоса, вкусно пахнет едой и слышится смех. И так каждый раз, когда он возвращается и оказывается перед входом в свою квартиру – внутри него все обрывается и холодеет – он знает, что когда-нибудь дверь домой не откроется.

Войти в одну и ту же реку вполне возможно – но лишь с точностью до бесконечно малой величины отклонения от заданного события.

//Дневник узкоколейки / Глава 675, стр. 79

Романтика странствий

Бесконечные ленты дорог! Дороги накатывают на тебя и несут вперед, вперед, насколько хватает глаз. В своем движении дороги сливаются в один тесный ручей и вдруг разлетаются веером – как реактивные самолеты на воздушном параде, которые уже через несколько секунд с грохотом отдаляются друг от друга на невообразимые расстояния.

Как сладко пахнут железнодорожные полустанки! Именно полустанки – большие станции ведут себя по-другому и пахнут совсем иначе. На больших станциях нет этого размеренного провинциального покоя и блаженного запаха креозота, которым пропитывают шпалы. На маленьких станциях можно сесть на простую деревянную с облетевшей краской омытую дождями щербатую скамейку и наблюдать, как утончаются, убегая вдаль рельсы, как бойко и бесстрашно бегают по платформе трясогузка, как задумчиво и неспешно ползет по руке красная бусинка божьей коровки. Можно незаметно наблюдать будничную жизнь, смотреть на людей, отправляющихся в путешествие и ощущать щемящее и вечно молодое чувство печали перед отъездом и предстоящей дорогой. Слушать, как бабушка тихонько напутствует внука. И представлять себе будущее этого мальчика. «Зачем это мне?» – подумал Мерло-Понти – «Разве только, если этот мальчик – я сам?» «Круг замыкается» – понял он – «и когда-нибудь я

встречу здесь себя».

Внимание! Не углубляйтесь слишком далеко во множественные реализации. Там Вы найдете мало полезного для работы ясновидения. А то, что Вам удастся найти и унести с собой (разумеется, если Вам посчастливится вернуться обратно) с трудом или вовсе не поддается расшифровке.

//Дневник узкоколейки / глава 15, стр. 250

«Склонность к странствиям у меня в крови» – решил Мерло-Понти.

Ему нестерпимо захотелось почувствовать на плечах жесткую ограниченность погон, поднести руку ко лбу, чтобы привычно дотронуться до лакированного козырька фуражки.

Очень ветреный день. И торопливо, как это делал всегда, он побрился, смахнул пыль с сапог, затянул ремень и ушел. Дома остался след. Неуловимый след его голоса и, может быть, пара гласных от его имени. Мерло-Понти успел-таки на июльский поезд на Черкесск, ощутил душную жару и ту необыкновенную легкость и свободу, в безнадежном ожидании которой он теперь и живет. Двери в тамбуре старого, обветшавшего вагона были распахнуты наружу, и он оказался сидящим на ступеньках вагона рядом с каким-то неведомо откуда появившимся негром. Они беззаботно сидели

с ним под лучами солнца, болтали и с настороженным любопытством разглядывали надвигающиеся, неспешно вырастающие и пока еще пологие горы. Уже который раз он упорно записывал и записывал это мгновение, прибавляя все новые оттенки и детали к основному метадокументу. Каждый раз что-то в этом эпизоде менялось. Мерло-Понти знал, что до конца это мгновение исчерпать не удастся и все же он весь отдавался охватывающему его в этот момент безумному желанию остаться в этом мгновении навсегда. «Будь я бродягой, я был бы, наверное, счастлив» – подумал он. Полустанки, саванны, новые города, мучительное и сладостное чувство погони, какое бывает только во сне. Так пусть же так и останется – безбрежный вечный простор с его серыми тоскливыми денечками, низким небом, холодными дождями и распутицей – серый простор, без которого ему уже не жить.

Он вдруг ощутил легкий толчок, как будто время слегка изменило свою ширину.

Весенний ветер высокие деревья качает, сухие деревья качает. Облачное апрельское небо над ним – словно битва гигантов – голубоглазых и юных. Просторно! Неутомимо и стремительно разворачивается романтическая битва облачных воинств. Он поглубже надвинул фуражку на правое ухо, так как сильный ветер нес почти не опуская на землю апрельский снежный заряд. Он не хотел натягивать на голову башлык, зная, что снежный заряд должен был вот-вот закончиться. Мерное покачивание коня под ним даже убаюкива-

ло. Только бы не проглядеть вражеский дозор. Ему здорово повезло тогда под Невинномысском, и он успел ускакать из-под выстрелов. Он слез с коня. Дорога еще не просохла, и он пошел рядом с ней, кое-где оскальзываясь по слежавшемуся, не растаявшему еще грязному снегу. Над его головой, почти неразличимый в гулкой весенней пустоте, журчал жаворонок. Березки тянули тонкие голые стволики вверх, к солнцу, и синева неба мешалась с фиолетовой прозрачностью ветвей. Золотые паутинки солнца просачивались сквозь его ресницы.

А память? Что память! Память гремит на ветру, словно лист жести, пытаюсь спрятаться в своем грохоте от напора ветра.

//Дневник узкоколейки / Глава 490, стр. 1090

Сверкающая и бесконечно несчастная – в его родина. Кладбище расположилось в болотистом поле у редкого молодого лесочка из ольховых и березовых деревьев. Этой весной поле особенно размякло и рыхлая земля жадно втянула в себя воткнутую в изголовье могилы проржавевшую железную пластинку порядковым номером и фамилией отца. Как странно – порядковый номер на пластинке в точности совпадал с годом рождения отца. Он нагнулся и начал искать

пластинку, погружая руку все глубже и глубже в мягкую весеннюю стылую землю. Рука моментально заныла от холода и потеряла чувствительность. Он не боялся наткнуться в глубине на что-нибудь неожиданное. Он знал – отец защитит его.

После Эры Железных Дверей наступит Эра Покоя. И все людские мечты сольются в одну реку. И самый несчастный будет пить с тобой из одного кубка и радоваться одному с тобой небу. И самый униженный не будет тебя ненавидеть. И самый счастливый не будет прятать свои сверкающие молодым блеском глаза и ликовать в одиночку.

//Дневник узкоколейки / Глава 445, стр. 5854

Современность

«А если все же никуда не убежать?» – задался вопросом Мерло-Понти.

«Все мыслимое – реализуется» – тускло отсвечивают золотом на потолке большие латунные буквы слогана компании «The Realm of Reality». Вчера была пятница, которая на этот раз выдалась особенно напряженной. Он не спеша прошелся по безлюдному, гулко повторяющему звуки его шагов холлу компании. По субботам ему позволяли оставаться в офисе одному, так как официально он работал только на заказчика, только на его имидж-ролик. Для этого ему и разрешалось собирать запретные ментальные материалы. Но, кажется, сейчас он зашел слишком далеко, и к имидж-ролику добытые им материалы уже не имели никакого отношения. Случайно или нет, какая теперь разница, он забрел на чужую, запретную виртуальную территорию.

Он приблизился к границе, за которой наступают необратимые изменения личности. Когда-то давным-давно, еще будучи в Министерстве Управления Мечтами, он обратил внимание на то, что на гипертекстовой спейсграфической карте словно бы чего-то не хватало, будто карта была не закончена. Плотность упаковки карты не соответствовала объему

содержащейся в ней информации. У него хватило ума тогда промолчать. В официальной карте не могло быть ошибок. В ней нельзя было сомневаться. Вообще нельзя было ни в чем сомневаться, а в таком основополагающем вопросе – тем более. Ходили легенды, что существует еще один вариант карты. Поговаривали, что на самом краю киберпространства, у самой границы Внутреннего Мира расположена заветная страна, Страна Запретных Желаний, доступная лишь посвященным.

Внимание! Степень толерантности к характеристикам целевой среды обитания и степень творческой продуктивности в этой среде могут быть определены ТОЛЬКО при переходе на обратную сторону Зеркала Ваших Возможностей.

//Дневник узкоколейки / Глава 435, стр. 32

На деревянной полированной поверхности стола в лекционном зале кто-то вырезал ножом глубокие буквы: «Ненавижу Номов». Рядом с надписью валялась скомканная бумажка с текстом молитвы Номов.

«Кажется, ненависть к нomaм является тайным содержанием почти каждого из наших слушателей» – подумал Мерло-Понти. И начал свое выступление:

«Дорогие соратники, друзья!

Я рад приветствовать Вас в рядах Особого Отряда по Уничтожению Номенклатуры. В сегодняшней лекции по курсу строительства Общества Истинной Справедливости я остановлюсь на двух основополагающих понятиях – понятии «Номенклатура» и понятии «Номенклатурная система». Определив эти понятия, мы сможем правильно понимать происходящие с нами события и, возможно, в некотором отношении воздействовать на их протекание. Итак, один из основных тезисов нашей борьбы звучит так: Если реально уничтожить хотя бы самый мельчайший связующий элемент системы, но, настойчиво повторяю, действительно уничтожить, раздробить, элиминировать эту связующую частицу, этот действительный функционирующий элемент системы, то системы не станет, она вдруг откажется функционировать (под словом «уничтожить» мы понимаем в большинстве случаев не физическое уничтожение, совсем нет, существует множество более верных и действенных способов уничтожения).

Система рухнет, так как в ней все механизмы взаимосвязаны и даже этой мельчайшей частички, элемента ей будет не хватать, частичка как бы опора и скрепляющий цемент системы, без частички система не сможет существовать. Это, похоже на..., извините, даже сразу не могу привести аналогию. Разве что, аналогия из совсем уж другой области деятельности, из области изобразительных искусств – это за-

кон целостности, закон композиции. Если в созданной композиции, действительно композиции, я веду речь о художественной композиции, которая создана с определенной художественной целью, ведь настоящая композиция обязательно обладает цельностью, изменить любой элемент, то композиция, вообще говоря, перестанет существовать. Но весь вопрос в том, что понимать под частичкой и под уничтожением частички. Еще лучше – найдите центр номенклатурной системы и бейте. Хотя что такое центр – это же не понимаемый физически центр, а может быть скорее размазанный по всей номенклатурной системе критический элемент. Если критическое условие, элемент, оставить в живых, то при распаде системы в каждой части разлагающихся осколков остаются маленькие номенклатурные сердца – зародыши ее будущего неизбежного возрождения. По сути центр системы – это психология, психология раба, психология холопа, это с одной стороны и психология хозяина, психология вседозволенности и безнаказанности, с другой. Хотя первая психология вытекает из второй и наоборот. Так что центров у системы много.. И надо бить по номенклатурным зародышам. Пока этой задачи еще никто для нашей страны не решил. Пока этих зародышей никому еще не удалось уничтожить. Не знаю, удалось ли мне понятно выразиться. Вам, молодежи, и решать эту зад

Семинар закончился. Мерло-Понти не спеша вышел в коридор и заметил на полу листовку, поднял ее и прочел:

«Выражая волю законспирированных единомышленников Союз Борцов с Номенклатурой озвучивает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.